

ФЕНОМЕН «БЕГСТВА» СОВЕТСКИХ ЭЛИТ В РЯДЫ ОППОЗИЦИИ В КОНЦЕ 1980-х – НАЧАЛЕ 1990-х гг.: МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Филиппов Сергей Иванович,

кандидат философских наук,

Заместитель директора по общим вопросам

Гуманитарного института Новосибирского государственного университета,

Россия, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

SPIN-код (РИНЦ): 4743-5183

Author ID (РИНЦ): 113556

flippow07@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу динамики лояльности национальных элит по отношению к центральной власти в позднем СССР. Анализируются условия перехода представителей советского партийно-государственного аппарата в ряды оппозиции. Исследование проводится на материале сопоставления контрастных случаев – советских элит Латвии и Казахстана в их взаимоотношении с союзным центром и местным населением. Данные случаи, несмотря на, казалось бы, очевидные культурные и исторические различия, сходны друг с другом по некоторым существенным социально-демографическим, экономическим и культурным параметрам, но демонстрируют различный уровень лояльности элит и населения по отношению к центру – относительно низкую в случае Латвии, относительно высокую – в случае Казахстана.

Динамика лояльности латышской советской элиты (от относительно высокой к относительно низкой в конце 1980-х – начале 1990-х гг.) была обусловлена успехами протестного движения, в том числе и в силовом противостоянии с его противниками («Дни баррикад» в январе 1991 г.). Широкую социальную поддержку протестного движения обеспечила антимиграционная идеологическая альтернатива официальной интернационалистской доктрине, обладающая высокой привлекательностью для самых разных социальных и этнических групп населения Латвии.

Относительно высокая степень лояльности национальных советских элит Казахстана союзному центру вплоть до распада СССР объясняется эффективным подавлением протестных выступлений в декабре 1986 г., что послужило поводом для инициированных Москвой чисток национально-партийно-государственного аппарата республики. Относительно низкая

поддержка протестного движения объясняется отсутствием объединяющей идеологической альтернативы, а также восприятием местным населением протестных акций, социальной базой которых была преимущественно студенческая молодежь, в логике бытовых территориально-этнических конфликтов.

Ключевые слова: элиты, лояльность, протест, перестройка, национальное движение, Казахстан, Латвия.

Библиографическое описание для цитирования:

Филиппов С.П. Феномен «бегства» советских элит в ряды оппозиции в конце 1980-х – начале 1990-х гг: макросоциологический анализ // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 2, ч. 1. – С. 92–109. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13-2.1-92-109.

Лояльность региональных и национальных элит по отношению к центральной власти – одно из фундаментальных условий ее легитимации и устойчивости государства. Неудивительно, что проблематика, связанная с лояльностью и солидарностью, всегда привлекает исследовательский интерес со времен Платона и Аристотеля. Драматические события второй половины 1980-х – начала 1990-х гг., завершившиеся распадом СССР, представляют богатый и ценный материал для проверки теоретических подходов и гипотетических объяснений динамики солидарности (как горизонтальной, так и вертикальной) между различными группами населения и политическими акторами.

Одним из показателей лояльности элит центру является масштаб «бегства» (или перехода) их представителей в стан оппозиции – явление, характерное как для периода антикоммунистических революций в Восточной Европе, так и для кризиса СССР конца 1980-х гг. К числу «перебежчиков» такого рода относятся первый секретарь Московского горкома КПСС Б.Н. Ельцин, первый секретарь литовской компартии В. Бразаускас, министр иностранных дел Э.А. Шеварнадзе, секретарь ЦК компартии Латвии по идеологии А. Горбунов, генерал-майор советских ВВС Д. Дудаев и др. Примечательно, что основу политической элиты постсоветских государств составили именно представители бывшей советской номенклатуры, эффективно оттеснившие идейных борцов с коммунистическим режимом, – раньше (например, в Балтии) или несколько позже (например, в Грузии). Например, в 1997 г. семеро из 15 руководителей постсоветских государств были в прошлом секретарями республиканских компартий, и на встрече глав стран – членов СНГ присутствовали практически те же люди, что и на заседаниях Политбюро ЦК КПСС [15, с. 398].

Тем не менее «бегство» элит не носило всеобщего характера и имело республиканскую специфику. В частности, в казахской партийно-государственной номенклатуре «перебежчиков» не было. Казахстан последова-

тельно выступал за сохранение СССР, и республика вышла из его состава последней – 10 декабря 1991 г. Подобная степень лояльности союзному центру со стороны казахской национальной элиты может вызвать некоторое недоумение, ведь у коренного населения республики имелось достаточно оснований для критического восприятия пребывания Казахстана как в составе Российской империи, так и в составе СССР. Голод 1920-х гг., массовая миграция казахов в Китай, Монголию, Афганистан как реакция на политику советской власти, коллективизация, сталинские репрессии, освоение целины – все эти события имели существенные негативные (если не катастрофические) последствия как для окружающей среды, так и для традиционного образа жизни казахов-скотоводов, а также для демографического баланса в республике.

По оценкам различных исследователей, казахское население сократилось с 6 млн в 1915 г. до 2,8 млн в 1959 г. (при этом 1 750 000 человек погибли в результате голода, эпидемий и репрессий) [23, р. 326]. В результате массовых миграций из других республик СССР, связанных, прежде всего, с индустриализацией и освоением целинных земель, казахи превратились в меньшинство на собственной земле: в 1959 г. в Казахстане проживало только 30 % этнических казахов. Зачастую отношение мигрантов к коренному населению было пренебрежительным и напоминало отношение колонизаторов к туземцам. В городах, где и было сконцентрировано русскоязычное население, широкое распространение получил бытовой шовинизм: если человек говорил по-казахски, его могли выгнать из автобуса или не пустить туда [2, с. 108].

У партийно-советской казахской элиты, казалось бы, было достаточно оснований для того, чтобы предпочесть избавиться от опеки, а подчас и диктата Москвы. Доля этнических казахов в коммунистической партии Казахстана на 1990 г. не была преобладающей и составляла 41,7 %. Примерно так же казахи были представлены среди секретарей райкомов, горкомов и обкомов КССР [13]. Ситуация для национальной элиты ухудшилась в конце 1980-х гг.: после молодежных выступлений в декабре 1986 г. союзный центр проводит масштабные чистки именно среди казахов в партии, государственном управлении, в системе высшего образования, существенно уменьшая долю их представительства в руководящих органах. Обретение независимости позволяло монополизировать престижные управленческие позиции по этническому признаку, что и происходит в независимом Казахстане, а также в странах Балтии.

Чем же была вызвана последовательная лояльность элиты одной из самых крупных республик СССР союзному центру? Почему национальные кадры из партийно-государственного аппарата республики не переходили в массовом порядке на сторону оппозиции, как это происходило во мно-

гих республиках СССР? Ответу на этот вопрос посвящено настоящее исследование.

В качестве основного метода исследований используется макроисторический подход, предполагающий синтез различных теорий и уровней анализа для объяснения исторических феноменов. Материалом анализа послужили взаимоотношения союзного центра, элит и местного населения Латвии и Казахстана. Данные случаи демонстрируют различный уровень лояльности элит и населения по отношению к центру в конце 1980-х – начале 1990-х гг.: относительно низкую в случае Латвии, относительно высокую в случае Казахстана.

В среде национальной советской элиты прибалтийской республики происходит достаточно типичный для того периода раскол. Многие ее представители переходят на сторону протеста, поддерживая идеи государственной независимости Латвии: республиканская компартия (КПЛ) в 1990 г. разделяется на «интернационалистов» и «национал-коммунистов». Последние создают независимую компартию во главе с бывшим первым секретарем КПЛ А. Вагрисом, которая просуществует около года. Большая часть национальных коммунистов войдет в Народный фронт Латвии [1, с. 392]. Независимость Латвии (в том числе и в ходе силового противостояния с ее противниками) поддержало большинство местной милиции и прокуратуры, а позиция республиканского КГБ оказалась даже более лояльной по отношению к литовской независимости, чем позиция сотрудников упомянутых двух ведомств [4, с. 405]. Идеи республиканского суверенитета нашли понимание и среди представителей «нетитульного» населения: на референдуме 3 марта 1991 г. по вопросу о независимости Латвии «за» высказались 73,68 %, в том числе как минимум 33 % представителей некоренного населения [22, р. 78].

В отличие от латышской, казахстанская советская элита сохраняла лояльность союзному центру. На референдуме о судьбе СССР 94,1 % участников из этой республики высказались за его сохранение, и представители казахстанских властей того времени и официальная республиканская пресса открыто призывали участников референдума голосовать за сохранение Союза.

Тем не менее оба рассматриваемых случая (позднесоветские национальные элиты Казахстана и Латвии, как и общая ситуация в республиках), несмотря на, казалось бы, очевидные культурные и исторические различия, сходны друг с другом по некоторым существенным социально-демографическим, экономическим и культурным параметрам. В частности, в обеих республиках была велика доля населения некоренной нации: в Латвии в 1989 г. проживало 52 % латышей и 34 % русскоязычных [16, с. 178], в Казахстане доля этнических казахов в общем населении была еще мень-

ше – 39,7 % [6, с. 96]. Большая доля мигрантов в населении обеих республик была обусловлена сходными обстоятельствами. Как в Латвии, так и в Казахстане строились крупные предприятия общесоюзного значения, персонал которых формировался преимущественно за счет мигрантов из других республик. В обеих республиках мигранты селились не только в крупных городах, но и в сельской местности (для Латвии это были Земгале и Латгалия, для Казахстана – север республики). Мигранты пользовались льготами при получении жилья, получали относительно высокую зарплату. Перепись 1989 г. зафиксировала, что 79 % семей, где все члены происходили из других республик, уже проживали в отдельных квартирах; в то же время отдельные квартиры имели только 57 % латышских семей [4, с. 411]). В Казахстане на фоне миграции 23 % казахов не имели постоянной работы.

Это явно несправедливое распределение общественных благ среди коренного населения и мигрантов становилось причиной межэтнической напряженности, которая могла принимать форму межнациональных конфликтов, что случилось в Мангышлаке, где на предприятиях ТЭК работали азербайджанцы и выходцы с Северного Кавказа, а этнические казахи на работу не принимались [9, с. 96]. В Латвии именно антимиграционные настроения стали основой протестной мобилизации в перестроечный период, как будет подробнее показано ниже.

Ни в Латвии, ни в Казахстане удельный вес титульных наций среди элитных групп не был преобладающим. К середине 1980-х гг. в Латвии количество латышей, состоявших в компартии, не достигало 40 %, а среди бюрократического корпуса – 63,1 %. В хозяйственной элите республики они составляли 47 % от общего числа руководителей промышленных предприятий [24, р. 235–236]. Этнические казахи в коммунистической партии и органах государственного управления Казахстана, как уже отмечалось выше, тоже не составляли большинство.

Степень самостоятельности как латышской, так и казахской советских элит достаточно жестко ограничивалась Москвой. Союзное руководство неоднократно принимало решения о реализации масштабных социально-экономических и территориально-политических проектов, непосредственно связанных с Казахстаном, без учета мнения как руководства, так и коренного населения республики. Перечислим лишь некоторые из подобного рода эпизодов: принятие решения об освоении целины (1953 г.); изменение территориально-административного устройства Казахстана, в частности, передача значительных территорий Узбекистану (1956–1962 гг.); создание нового политико-административного образования – Целинного края – с двойным подчинением: республиканскому и союзному руководству. Представители казахстанского руководства, которые выступали про-

тив такого вмешательства, смещались со своих постов и заменялись либо выходцами из других регионов СССР (Л.И. Брежнев, П.К. Пономаренко и др.), либо более лояльными местными кадрами [8, с. 57–59]. Выступление казахской молодежи в декабре 1986 г. – первая широкомасштабная акция, начавшая череду перестроечных проявлений национального протеста – стало непосредственной реакцией на назначение главой Казахстана бывшего первого секретаря Ульяновского обкома Г.В. Колбина, что нарушило сложившуюся практику, когда руководитель союзной республики является представителем «титальной» нации.

Попытка части национальной латышской элиты в 1956–1959 гг. во главе с Э. Берклавсом – первым секретарем Рижского горкома, зампредом Совета министров ЛССР – ограничить миграцию в республику, особенно в Ригу, а также вытеснить нелатышей из сферы государственного управления и экономики (в 1956 г. было принято постановление ЦК КПЛ об обязательном владении как русским, так и латышским языком партийными, советскими и хозяйственными руководителями республики, направленное, прежде всего, против русскоязычных кадров, так как латыши, занимающие руководящие позиции, хорошо владели русским языком [4, с. 373–375]), привела к масштабным чисткам партийно-государственного аппарата ЛССР¹. До конца 1980-х гг. латышские советские элиты не обладали сколько-нибудь существенной автономией и оставались вполне лояльными союзному центру.

К началу перестройки как управляющие кадры, так и население обеих республик обладало сходными социально-психологическими и культурными характеристиками. Это, например, нашло выражение в распространенности русского языка среди коренного населения обеих республик: в Казахстане 62,8 % представителей «титальной» нации владели русским языком, в Латвии этот показатель был еще выше – 68 % [18, с. 37]. Городская среда в обеих республиках в лингвистическом отношении была (а в независимом Казахстане остается до сих пор) русскоязычной. В конце 1980-х гг. 40 % казахов не владели (или почти не владели) родным языком. Казахский язык после кодификации в 1920-е гг. функционировал, прежде всего, на официальном уровне и терял позиции как средство повседневной коммуникации [23, р. 326]. В Латвии после разгрома «национал-коммунистов» в 1959–1961 гг. партийно-государственная элита комплектовалась в значительной мере из «русских латышей», родившихся и выросших за пределами Латвии. Представители республиканского государственно-

¹ Следует отметить, что как движение латышских «национал-коммунистов», так и противодействие ему были средствами внутриэлитной борьбы. Обе стороны апеллировали к Москве, но в итоге союзное руководство стало на сторону «интернационалистов», которых возглавлял А. Пельше. Именно под его руководством проводились чистки латышского партийно-государственного аппарата, продолжавшиеся до 1962 г.

го, партийного аппарата, служб безопасности (в том числе и латышского происхождения) представляли собой русскоязычную корпорацию, солидарность внутри которой поддерживалась участием в ритуалах, лишенных какой-то национальной окраски: совместная охота, сопровождающаяся обильной трапезой и вышивкой [22, р. 49]. Среди самих латышей было распространено мнение, что руководство Латвии менее, чем руководители других прибалтийских республик, заботится о благополучии своей республики и старательнее всего исполняет указания Москвы [4, с. 378]. Сходная ситуация в позднесоветское время сложилась и в пространственно очень удаленном от Латвии Казахстане. Историк С.Ш. Казиев характеризует национальные управленческие кадры как «исправно выполняющие распоряжения союзных властей по внедрению русского языка», а национальную интеллигенцию – как «осторожную и зависимую от генеральной линии власти» [8, с. 60].

В обеих республиках на начало перестройки национальные (националистические) выступления носили спорадический характер. Канадский политолог Ю. Дрейфельдс отзывается о национально-протестном движении в Латвии как «эмбриональном» и «анемичном». Если в начале 1980-х гг. число национальных активистов в Литве насчитывало десятки тысяч, в Эстонии – тысячи, то в Латвии – только десятки человек [22, р. 47]. В Казахстане межэтнические конфликты имели место преимущественно на бытовом уровне, национальные выступления не получили институционального оформления.

Почему же в таком случае партийные, государственные и «силовые» элиты Латвии последовательно переходили на сторону оппозиции, а сходные с ними советские национальные руководящие кадры Казахстана не поддержали националистическое и сепаратистское движение как шанс избавиться от достаточно жесткой опеки Москвы?

Рассмотрим гипотетические объяснения динамики лояльности национальных элит и населения центральной власти.

Стремление к сепаратизму, независимости и созданию собственных государств обычно объясняется развитием национального самосознания (М. Вебер, Э. Геллнер, Р. Брубейкер и др.). Американский социолог Р. Коллинз резюмирует суть данного подхода следующим образом: «Интенсивно мобилизованные этнические сообщества с единым языком стремятся к созданию автономного государства» [12, с. 143]. Российский историк и этнолог С.В. Чешко в качестве объяснения относительно высокой степени лояльности партийно-государственных элит Казахстана в конце 1980-х – начале 1991 г. центру указывает на социокультурную разнородность казахов и сильные клановые тенденции, препятствующие складыванию национального самосознания [20, с. 284–292]. Но влияние казахских жузов –

исторически сложившихся регионально-клановых объединений – на социально-политические процессы в позднем СССР представляется весьма спорным. Неясно, каким образом данные неинституализированные, очень нечетко и неоднозначно определяемые структуры, возникшие в XVII в. [3], могли оказывать определяющее влияние на формирование советской и постсоветской элиты Казахстана? Кроме того, в позднесоветском Казахстане, несмотря на официальный образ республики как «лаборатории дружбы народов», происходили многочисленные и подчас весьма жестокие межэтнические конфликты на бытовом уровне, сопровождающиеся групповой мобилизацией и разделением на «своих» и «чужих» по этнокультурному признаку, что, как отмечал еще М. Вебер, является наиболее эффективным механизмом складывания национального самосознания [25, р. 901–940]². Вообще роль национального самосознания в развитии протестного движения в период кризиса СССР, на наш взгляд, преувеличивается. Как будет показано ниже на примере Прибалтики, идеологической основой широкомасштабной и успешной протестной мобилизации конца 1980-х – начала 1990-х гг. был не национализм.

С точки зрения теории интеракционизма, базовым уровнем анализа для которой являются взаимодействия на микроуровне социальной организации (Э. Дюркгейм, И. Гоффман, Р. Коллинз и др.), «широкие» идентичности (класс, нация и др.) и связанные с ними идеологии сами по себе слишком абстрактны, чтобы побуждать массы к активным действиям [5, с. 95]. Условием широкомасштабной протестной мобилизации являются распространение горизонтальных сетей солидарности, в том числе (но не исключительно) и на этнической платформе: творческих коллективов, связанных с поддержкой и популяризацией национального культурного наследия, этнических землячеств, соседских сообществ, сезонных трудовых миграций с созданием этнических бригад и др., поскольку социальный конфликт или противостояние предполагает предварительное наличие солидарности внутри группы.

Например, в прибалтийских республиках организация массовых акций и сетей солидарностей, ставших позже основой протеста, происходила в форме коммеморативных акций (1987 г.), популяризации и широкого распространения движения певческих коллективов, которое с середины 1980-х гг. вовлекло тысячи участников и зрителей и вылилось в «поющую революцию» конца 1980-х – 1991 г. Тематами поэтических и песенных произведений, воспроизводимых на многочисленных праздниках, смотрах и фестивалях, стали коммеморации ключевых событий

² В городах Казахстана одиночные прогулки для молодежи были опасны: «Подростки собирались группами, ловили казахов... и избивали. Иногда казахи собирались вместе и шли “бить с русскими”» [2, с. 108].

национальной истории: обретение и потеря независимости, депортации, а также экологические проблемы (в Эстонии пелись так называемые «фосфоритовые» песни) [14, с. 65].

В истории Казахстана также были случаи эффективной организации протестов против планов Союзного руководства, например, против немецкой автономии в республике, решение о создании которой было принято Политбюро ЦК КПСС 31 мая 1979 г. Сразу же после известия о соответствующем постановлении в республике разворачивается антиавтономистское движение. Местные органы КГБ обнаруживают анонимные листовки на казахском и русском языках, содержащие призывы к выступлениям с протестом против планов создания немецкой автономии в Казахстане. 16 и 19 июня 1979 г. проходят демонстрации казахского населения с участием представителей русской молодежи. В первых рядах демонстрантов шли ветераны войны, что склонило симпатии русских солдат и офицеров в составе переброшенных в Целиноград милицейских батальонов на сторону митингующих. В итоге Москва отказалась от планов создания немецкой автономной территории в Казахстане [9, с. 99].

Почему достаточно успешный опыт протестной мобилизации 1979 г. против попытки вмешательства союзного центра не повторился в Казахстане в годы перестройки³?

Для объяснения динамики лояльности элит центральной власти используем эвристический потенциал «государство-центрированной» теории этноса Р. Коллинза, разработанной в контексте широкой веберианской парадигмы. Геополитическое могущество государства на международной арене повышает престиж и притягательность доминирующего этноса; напротив, геополитическая слабость государства снижает престиж господствующей этнической общности [12, 153–159.]. Расширим область применения данной теории на взаимодействие различных социально-политических сил (акторов) внутри государств. Предположим, что престиж такого рода акторов (например, сторон гражданского конфликта), в том числе и для потенциальных союзников и колеблющихся, обусловлен степенью успеха в конфликте, в особенности с применением насилия. Явный успех повышает привлекательность победителей для их социального окружения (из-за симпатий к более сильной стороне или страха перед ней); неуспех, напротив, превращает проигравшую сторону в нежелательного партнера по возможной коалиции.

Как упоминалось выше, и у казахской элиты, и у коренного населения республики к концу советского периода накопилось достаточно при-

³ С 1987 по 1992 г. в 83 протестных акциях с этнонационалистическими лозунгами и 14 демонстрациях сепаратистской направленности приняли участие 61 900 жителей Казахстана. Для сравнения: в протестных акциях под такими же лозунгами в Латвии приняли участие почти 3 000 000 человек [21, р. 210].

чин недовольства отношением союзного центра к Казахстану. Не случайно первое ставшее широко известным масштабное протестное выступление в период перестройки в декабре 1986 г. («Желтоксан», что в переводе с казахского означает «Декабрь») произошло именно в Казахстане. Демонстрация против назначения первого секретаря Ульяновского обкома КПСС Г.В. Колбина главой Казахстана, в которой принимали участие около 15 тысяч человек, преимущественно студентов алма-атинских вузов, была достаточно жестко и эффективно подавлена (при этом погибли двое сотрудников МВД и один демонстрант, более 1200 человек обратились за медицинской помощью, были уничтожены десятки служебных машин). Примечательно, что подавление протеста осуществлялось не только силовыми структурами – сотрудниками МВД и КГБ, курсантами военных училищ (командование Среднеазиатского военного округа отказалось привлекать к разгону демонстрантов вооруженные силы), но и при активном участии гражданского населения – рабочих дружин и представителей «партихозактива» [17, с. 432].

События декабря 1986 г. послужили поводом для массированного вмешательства Москвы в дела республики. Государственные, партийные структуры, и в особенности система национального высшего образования, подвергаются чисткам: с февраля по август 1987 г. от занимаемых должностей освобождено 144 человека, ранее входивших в номенклатуру ЦК Компартии Казахстана, из них 12 были исключены из партии. К первой половине 1988 г. не прошли переекзаменацию 21,8 % партийных и 34 % комсомольских работников. Из органов МВД было уволено 1200 сотрудников, в министерствах здравоохранения и транспорта работу потеряли 309 человек. По результатам проверок потеряли свои должности 12 ректоров вузов, а также министр образования. Всего в алма-атинских вузах были уволены 319 преподавателей и исключены 182 студента [10, с. 60]. Казахская элита усвоила, что национальная мобилизация – прежде достаточно успешное средство противодействия политике Москвы (в частности, против планов создания немецкой и уйгурской автономий) – в новых условиях провоцирует вмешательство центра. Таким образом, эффективное подавление выступления казахской молодежи в декабре 1986 г. снизило привлекательность национальной оппозиции как возможного партнера для национальных элит.

В Прибалтике (в частности, в Латвии) протестное движение развивалось первоначально в иной логике и концентрировалось вокруг экологических проблем и сложных моментов советской истории конца 1930-х – начала 1950-х гг. (пакт Молотова–Риббентропа, депортации 1940 г. и др.), что, в общем, соответствовало официальной политике гласности конца 1980-х гг., в частности критике сталинизма. Первая акция в череде так на-

зываемых «календарных» демонстраций состоялась в Риге 14 июня 1987 г. и была посвящена памяти жертв сталинских депортаций 1940 г. В демонстрации приняли участие около 1000 человек, ее организаторами были активисты оппозиционной группы Helsinki 86. Собравшихся не разгоняли и репрессивных мер в отношении них не принималось. Организаторам акции вскоре было предложено покинуть пределы СССР, что они и сделали, а повестку дня подхватили руководство и члены латышских творческих союзов, а также партийные функционеры КПЛ. Широкомасштабный конфликт между протестующими и силовиками с применением силы и жертвами произошел в Риге в январе 1991 г., в так называемые «Дни баррикад» (13–27 января 1991 г.). 13 января на улицы Риги вышли 500 тысяч человек, поводом для этого стали события в Литве (захват Вильнюсского телевидения). Основные коммуникации в городе были забаррикадированы сельскохозяйственной техникой и грузовиками, попытки рижского ОМОНа разблокировать дороги и правительственные здания оказались безуспешными [4, с. 408].

Существенным отличием «Дней баррикад» в Риге от «Желтоксана» в Алма-Ате была степень поддержки протестующих населением: она была очень высока в Риге (и в целом в Латвии; примечательно, что противникам протеста не удалось сформировать народные дружины и задействовать их в борьбе против демонстрантов, как это произошло в 1986 г. в Алма-Ате), в то время как в столице Казахстана демонстрантам из числа студенческой молодежи горожане никакой поддержки не оказали. Чем были вызвана такая разница в отношении местного населения к акциям протеста? Протесты в Прибалтике основывались на антимиграционной идее, ставшей объединяющей платформой для различных социальных и этнических групп и политических движений, в том числе и для русскоязычного населения, которое идентифицировало себя не с регионами первоначального проживания, а с Латвией, где жизнь была зачастую более комфортной и обеспеченной. Заметим, что экологический протест ранней перестройки тоже имел антимиграционную основу: строительство Даугавпилсской ГЭС и метрополитена в Риге грозило ухудшением не только природной и историко-культурной среды, но и социальной, поскольку реализация данных проектов предполагала массированный завоз рабочей силы из-за пределов республики, большую часть которой составляли малообразованные трудовые кадры в рамках оргнаборов («лимитчики») [19, с. 62]. Остановить миграционный поток, снизив тем самым конкуренцию за жилье и другие социальные блага, должно было провозглашение Латвией независимости. Неудивительно, что даже в Даугавпилсе – самом «русском» из городов Латвии – в 1991 г. за суверенитет высказались 51,3 % жителей, против – только 39,9 % [7, с. 127].

Большую часть русскоязычного населения Казахстана также составляли мигранты, приехавшие в республику для освоения целины и строительства промышленного производства. Но в отличие от Прибалтики, игравшей роль «витрины социализма», Казахстан не обладал большой притягательностью как постоянное место проживания. С конца 1970 гг. идет постоянный отток русскоязычного населения из республики, в 1975–1988 гг. уехали 400 тысяч русских (6,6 % общей их численности в Казахстане) [17, с. 435]. Достаточно успешная широкомасштабная протестная мобилизация различных социальных групп в Казахстане, как уже упоминалось, была возможна против попыток центра изменить политико-административное устройство республики, но в конце 1980-х гг. подобного рода проекты не выдвигались. Кроме того, такого рода мобилизации носили дискриминационный характер по отношению к тем или иным этническим группам, проживающим в Казахстане (в частности, к немцам и уйгурам), и, таким образом, не обладали столь же сильным потенциалом создания солидарности, как, например, антимиграционные идеи в Прибалтике.

Как отмечалось выше, в городах «лаборатории дружбы народов» бытовые территориально-этнические конфликты были очень распространены и привычным явлением, порой достигали масштабов, требующих вмешательства милиции или даже войск (например, беспорядки в г. Темиртау в 1959 г.) [11, с. 144–160]. По-видимому, протесты алма-атинских студентов в декабре 1986 г. воспринималось городскими жителями как прорыв «подворотни» на центральные площади республиканской столицы, вызывая не солидарность с протестующими, а испуг и возмущение. Определение Н. Назарбаевым, тогда председателем Совета министров КССР, выступления казахской молодежи как «проявления хулиганства», отражало взгляд на них жителей крупных городов Казахстана [17, с. 435].

Вывод. Динамика лояльности национальных элит Латвии во второй половине 1980–х гг. по отношению к союзному центру (от относительно высокой к низкой), что, в частности, нашло выражение в переходе значительного количества представителей партийно-советской национальной элиты в ряды оппозиции, была обусловлена успехами протестного движения, в том числе и в силовом противостоянии с его противниками («Дни баррикад» в январе 1991 г.). Широкою социальной поддержку протестного движения обеспечила антимиграционная идеологическая альтернатива официальной интернационалистской доктрине, обладающая высокой привлекательностью для самых разных социальных и этнических групп населения Латвии.

Относительно высокая степень лояльности национальных советских элит Казахстана союзному центру вплоть до распада СССР объясняется эффективным подавлением протестных выступлений в декабре 1986 г., что послужило

ло поводом для инициированных Москвой чисток национального партийно-государственного аппарата республики. Относительно низкая народная поддержка протестного движения объясняется отсутствием объединяющей идеологической альтернативы, а также восприятием местным населением протестных акций, социальной базой которых была преимущественно студенческая молодежь, в логике бытовых территориально-этнических конфликтов.

Литература

1. *Алантс О., Гапоненко А.* Латгалия: в поисках иного бытия. – Рига: Ин-т европ. исслед., 2012. – 520 с.
2. *Алексеевко А.Н.* Этнополитические стратегии освоения городского пространства Республики Казахстан в 21 в. // *Полития.* – 2012. – № 2 (65). – С. 98–119.
3. *Амрекулов Н.* Жүзы в социально-политической жизни Казахстана // *Центральная Азия и Кавказ.* – 2000. № 3 (9). – URL: <http://ca-c.org/jcumal/cac-09-2000/16.Amrek.shtml> (дата обращения: 14.05.2021).
4. *История Латвии, XX век / Д. Блейере, И. Бутулис, А. Зунда, А. Странга, И. Фелдманис.* – Рига: Jumava, 2005. – 474 с.
5. *Дерлугьян Г.М.* Адепт Бурдые на Кавказе. – М.: Территория будущего, 2010. – 560 с.
6. *Зимовина Е.П.* Этнический аспект социально-демографических процессов в Казахстане накануне и в период перестройки // *Вестник Московского университета. Серия 21, Управление (государство и общество).* – 2017. – № 2. – С. 88–109.
7. *Кабанов М.* «Атмода» сквозь «перестройку»: сюжеты латвийской (анти)советской истории в период распада СССР // *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований.* – 2011. – № 1 (3). – С. 124–129.
8. *Казиев С.Ш.* Национальная политика и межэтнические отношения в Казахстане в постсталинский период (1953–1964 гг.). // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.* – 2014. – № 4. – С. 56–61.
9. *Казиев С.Ш.* «Золотой век» советского интернационализма и проблемы межэтнических отношений в Казахстане (1964–1985) // *Вестник Томского государственного университета. История.* – 2014. – № 6 (32). – С. 95–101.
10. *Казиев С.Ш.* Перестройка и кризис национальных отношений в Казахстане (1985–1991 гг.) // *Вестник Томского государственного университета. История.* – 2015. – № 3 (35). – С. 58–66.
11. *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.). – М.: РОССПЭН, 2009. – 543 с.
12. *Коллинз Р.* Макроистория: очерки социологии большой длительности. – М.: УРСС: Ленанд, 2015. – 504 с.
13. *Коммунистическая партия Казахстана: справочник / Институт истории партии при ЦК Компартии Казахстана; сост. П.О. Осипов.* – Алма-Ата: Казахстан, 1990. – 293 с. – URL: <http://bibliotekar.kz/chitat-onlain-kommunisticheskaja-partija/-94-sostav-sekretarei-obkomov-gorkomov-i.html> (дата обращения: 14.05.2021).

14. *Короткова М.В.* Коммеморация независимости прибалтийских республик в период «поющей революции» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 5–6. – С. 64–69.
15. *Модсли Э., Уайт С.* Советская элита от Ленина до Горбачева: Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 гг. – М.: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина»: РОССПЭН, 2011. – 429 с.
16. *Мусаев В.И.* Независимость стран Балтии и «русский вопрос» // Новейшая история России. – 2017. – № 2. – С. 176–191.
17. *Мякшев А.П.* События в Алма-Ате в декабре 1986 г.: первый ультиматум национальных элит центру // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2018. – Т. 18, № 4. – С. 432–439.
18. *Население СССР: по данным всесоюзной переписи населения СССР 1989 г.* – М.: Финансы и статистика, 1990. – 45 с.
19. *Симоныан Р.Х., Кочегарова Т.М.* Русскоязычное население в странах Балтии // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 3. – С. 60–79.
20. *Чешко С.В.* Распад СССР: этнополитический анализ. – М.: ИЭА РАН, 2000. – 395 с.
21. *Beissinger M.* Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State. – Cambridge University Press, 2004. – 504 p.
22. *Dreifelds J.* Latvia in Transition. – Cambridge University Press, 1997. – 214 p.
23. *Sarsembayev A.* Imagined communities: Kazak nationalism and Kazakification in the 1990s // Central Asian Survey. – 1999. – Vol. 18, N 3. – P. 319–346.
24. *Schmid C., Zepa, B. Snipe A.* Language Policy and Ethnic Tensions in Quebec and Latvia // International Journal of Comparative Sociology. – 2004. – Vol. 45, N 3–4. – P. 231–252.
25. *Weber M.* Economy and Society. – New York: Bedminster Press, 1968. – 1469 p.

Статья поступила в редакцию 14.09.2020.

Статья прошла рецензирование 11.10.2020.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13-2.1-92-109

THE “FLIGHT” OF SOVIET ELITES TO OPPOSITION IN THE LATE 1980s – EARLY 1990s: MACRO-SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Filippov Sergey,

Cand. of Sc. (Philosophy),

Deputy Director of the Humanities Institute,

Novosibirsk State University,

2 Pirogova Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

SPIN-code (RSCI): 4743-5183

Author ID (RSCI): 113556

filppow07@yandex.ru

Abstract

The article deals with investigation into the conditions of the defection of the national Soviet party-state functionaries to opposition in the USSR (late 1980s – early 1990s) that is an important indicator of the loyalty of the national elites towards the central government.

The analysis is based on comparing two contrastive cases – the Soviet elites of Latvia and those of Kazakhstan in their interactions with the central government as well as local population. Despite seemingly obvious cultural and historical differences, both cases are similar regarding some important aspects such as socio-demographic, economic as well as cultural dynamics in the late Soviet period. In both republics, the proportion of migrants in the whole population as well as in the elites was relatively high. The intensive migration in the post-war period was a result of the rapid industrialization and the Virgin Land campaign in the case of Kazakhstan. The Soviet elites both of Latvia and of Kazakhstan were loyal to the Union center, Russian-speaking and more international than national oriented. Besides, the national movements in both republics were practically nonexistent at the beginning of the perestroika.

Nevertheless, many Latvian national ruling cadres joined the opposition in the late 1980s – early 1990s whereas Kazakh national elites remained mostly loyal to the Union center up to the dissolution of the USSR (Kazakhstan declared its independence only on 16 December 1991, as the last republic to leave the USSR) – although Kazakh national party-state functionaries did not have less reasons to get rid of the tough control from Moscow than national elites of Soviet Latvia.

As the theoretical basis the author applies the R. Collins` state-centered theory of ethnos elaborated in the framework of the Weberian paradigm. The analysis showed that decreasing loyalty of the Latvian national elites in the late 1980s – early 1990s was due to the success of the protest movement in this republic including the violent confrontation with its rivals in January 1991 (“The Barricades”). A broad support of the protest movement striving for the reestablishment of the independence from the Soviet Union was based on anti-immigration ideological alternative to official Soviet internationalism attracting different social and ethnic groups of Latvian population.

A relatively high level of the loyalty of the Kazakh national elites to the central government was caused by the effective suppression of the Kazakh youth riots in December 1986 that triggered the purge of the national ruling cadres in Kazakhstan initiated by Moscow. A relatively low social support of the protest movement in the republic was due to the lack of a broad ideological basis that could create solidarity between different social and ethnic groups that made up the population of Kazakhstan. Besides, the protest of 1986 with Kazakh students as the main participants was perceived by local population in the logic of ethno-territorial conflicts very common in the late Soviet Kazakhstan and evoked therefore not solidarity but fear and anger.

Keywords: elites, loyalty, protest, perestroika, national movements.

Bibliographic description for citation:

Filippov S. The “Flight” of Soviet Elites to Opposition in the Late 1980s – Early 1990s: Macro-Sociological Analysis. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 2, pt. 1, pp. 92–109. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13-2.1-92-109.

References

1. Alants O., Gaponenko A. *Latgaliya: v poiskakh inogo bytiya* [Latgale: in search of another being]. Riga, Institut evropeiskikh issledovaniy Publ., 2012. 520 p. (In Russian).
2. Alekseenko A.N. Etnopoliticheskie strategii osvoeniya gorodskogo prostranstva Respubliki Kazakhstan v 21 v. [Ethnopolitical strategies for the development of the urban space of the Republic of Kazakhstan in the 21st century]. *Politiya = Polity*, 2012, no. 2 (65), pp. 98–119.
3. Amrekulov N. Zhuzy v sotsial'no-politicheskoi zhizni Kazakhstana [Zhuzes in the socio-political life of Kazakhstan]. *Tsentrāl'naya Aziya i Kavkaz = Central Asia and the Caucasus*, 2000, no. 3 (9). Available at: <http://ca-c.org/jcumal/cac-09-2000/16.Amrek.shtml> (accessed 14.05.2021).
4. Bleiere D., Butulis I., Zunda A., Stranga A., Feldmanis I. *Istoriya Latvii, XX vek* [History of Latvia, XX century]. Riga, Jumava Publ., 2005. 474 p. (In Russian).
5. Derlug'yan G.M. *Adept Burd'e na Kavkaze* [Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2010. 560 p.
6. Zimovina E.P. Etnicheskii aspekt sotsial'no-demograficheskikh protsessov v Kazakhstane nakanune i v period Perestroiki [Ethnic aspect of socio-demographic processes in Kazakhstan on the eve of and during the period of Perestroika]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21, Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo) = Moscow University bulletin. Series 21. Public administration*, 2017, no. 2, pp. 88–109.
7. Kabanov M. “Atmoda” skvoz’ “perestroiku”: syuzhety latviiskoi (anti)sovetskoi istorii v period raspada SSSR [“Atmoda” through “perestroika”: plots of Latvian (anti) Soviet history during the collapse of the USSR]. *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovaniy = Journal of the Russian and East European historical studies*, 2011, no. 1 (3), pp. 124–129.
8. Kaziev S.Sh. Natsional'naya politika i mezhetnicheskie otnosheniya v Kazakhstane v poststalinskii period (1953–1964 gg.) [The National Policy and Interethnic Relations in Kazakhstan in the Post-Stalin Period (1953–1964)].

tions in Kazakhstan in the Post-Stalin Period (1953–1964)]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniĭ RAN = Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS*, 2014, no. 4, pp. 56–61.

9. Kaziev S.Sh. “Zolotoi vek” sovetskogo internatsionalizma i problemy mezhetnicheskikh otnoshenii v Kazakhstane (1964–1985) [“Golden age” of Soviet Internationalism and Problems of Interethnic Relations in Kazakhstan (1964–1985)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija = Tomsk State University Journal of History*, 2014, no. 6 (32), pp. 95–111.

10. Kaziev S.Sh. Perestroika i krizis natsional’nykh otnoshenii v Kazakhstane (1985–1991 gg.) [Perestroika and crisis of national relations in Kazakhstan (1985–1991)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija = Tomsk State University Journal of History*, 2015, no. 3 (35), pp. 58–66.

11. Kozlov V.A. *Massovye besporyadki v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve (1953 – nachalo 1980-ĭkh gg.)* [Mass riots in the USSR under Khrushchev and Brezhnev (1953 – early 1980s)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 543 p.

12. Collins R. *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*. Stanford University Press, 1999 (Russ ed.: Kollinz R. *Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol’shoi dlitel’nosti*. Moscow, URSS Publ., Lenand Publ., 2015. 504 p.).

13. Osipov P.O., comp. *Kommunisticheskaya partiya Kazakhstana: spravochnik* [Communist Party of Kazakhstan (reference book)]. Alma-Ata, Kazakhstan Publ., 1990. 293 p. Available at: <http://bibliotekar.kz/chitat-onlain-kommunisticheskaja-partiya/-94-sostav-sekretarei-obkomov-gorkomov-i.html> (accessed 14.05.2021).

14. Korotkova M.V. Kommemoratsiya nezavisimosti pribaltiiskikh respublik v period “poyushchei revolyutsii” [Commemoration of Baltic Republics’ Independence during “The Singing Revolution”]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2015, no. 5–6, pp. 64–69.

15. Mawdsley E., White S. *The Soviet elite from Lenin to Gorbachev: The Central Committee and its members, 1917–1991*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2000 (Russ ed.: Modkli E., Uait S. *Sovetskaya elita ot Lenina do Gorbacheva: Tsentral’nyi Komitet i ego chleny, 1917–1991 gg.* Moscow, Fond “Prezidentskii tsentr B.N. El’tsin” Publ., ROSSPEN Publ., 2011. 429 p.).

16. Musaev V.I. Nezavisimost’ stran Baltii i “russkii vopros” [The Independence of the Baltic States and the “Russian Question”]. *Noveishaya istoriya Rossii = Modern History of Russia*, 2017, no. 2, pp. 176–191.

17. Myakshev A.P. Sobytiya v Alma-Ata v dekabre 1986 g.: pervyi ul’timatum natsional’nykh elit tsentru [The Events in Almaty in December 1986: the First National Elite Ultimatum to the Centre]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: istoriya, mezhdunarodnyye otnosheniya = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*, 2018, vol. 18, no. 4, pp. 432–439.

18. Naselenie SSSR: po dannym vsesoyuznoi perepisi naseleniya SSSR 1989 g. [Population of the USSR: According to the data of the All–Union Census of the Population of the USSR 1989]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1990. 45 p.

19. Simonyan R.Kh., Kochegarova T.M. Russkoyazychnoe naselenie v stranakh Baltii [Russian-speaking population in the Baltic countries]. *Vestnik MGIMO-Universiteta = MGIMO Review of International Relations*, 2010, no. 3, pp. 60–79.
20. Cheshko S.V. *Raspad SSSR: etnopoliticheskiy analiz* [The collapse of the USSR: Ethnopolitical Analysis]. Moscow, IEA RAN Publ., 2000. 395 p.
21. Beissinger M. *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*. Cambridge University Press, 2004. 504 p.
22. Dreifelds J. *Latvia in Transition*. Cambridge University Press, 1997. 214 p.
23. Sarsembayev A. Imagined communities: Kazak nationalism and Kazakification in the 1990s. *Central Asian Survey*, 1999, vol. 18, no. 3, pp. 319–346.
24. Schmid C., Zepa B., Snipe A. Language Policy and Ethnic Tensions in Quebec and Latvia. *International Journal of Comparative Sociology*, 2004, vol. 45, no. 3–4, pp. 231–252.
25. Weber M. *Economy and Society*. New York, Bedminster Press, 1968. 1469 p.

The article was received on 14.09.2020.

The article was reviewed on 11.10.2020.